

Шедяков В.Е., к. э. н., д. с. н., доцент,
независимый исследователь (Киев)

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Шедяков В.Е. Ценность жизни и возможность творчества как характеристики общественных изменений. Статья продолжает подведение итогов в анализе места и особенностей экономических факторов обеспечения позитивных социально-политических динамик в обществе. Исследовательские акценты переносятся на возможности поведенческой экономики, рефлексивного управления, государственно-частного партнерства. Отношение к ценности жизни и возможностям творчества рассматривается как важнейшая характеристика прогресса. Так, в творчестве необходимость становится подчиненным элементом развития и реализации свободы. Делается вывод о необходимости системных изменений в организационно-контрольных механизмах для достижения их адекватности новым требованиям эпохи. Гуманность, человечность приоритетнее доктрин, ведь основным регулятором является закон «не мешай».

Ключевые слова: сущностные силы, производство, отчуждение, творчество, поведенческая экономика, рефлексивное управление, реформы.

Шедяков В.Є. Цінність життя і можливість творчості як характеристики суспільних змін. Стаття продовжує підбиття підсумків в аналізі місця та особливостей економічних чинників забезпечення позитивних соціально-політичних динамік в суспільстві. Дослідницькі акценти переносяться на можливості поведінкової економіки, рефлексивного управління, державно-приватного партнерства. Ставлення до цінності життя та можливостей творчості розглядається як найважливіша характеристика прогресу. Так, у творчості і необхідність стає підлеглим елементом розвитку та реалізації свободи. Робиться висновок про необхідність системних змін в організаційно-контрольних механізмах для досягнення їх адекватності новим вимогам епохи. Гуманність, людяність більш пріоритетні, ніж доктрини, адже основним регулятором є закон «не заважай».

Ключові слова: сутнісні сили, виробництво, відчуження, творчість, поведінкова економіка, рефлексивне управління, реформи.

Shedyakov V.Ye. The value of life and the possibility of creativity as characteristics of social changes. The article continues summarizing the analysis of the place and features of economic factors of maintaining of positive socio-political dynamics in society. Research emphasis is shifted to the capabilities of the behavioral economy, reflexive management, public-private partnership. Relation to the value of life and the possibilities of creativity are considered as the most important characteristic of progress. Thus, necessity in creativity becomes a subordinate element of the development and realization of freedom. The conclusion is made about the need for systemic changes in organizational and control mechanisms to achieve their adequacy to the new requirements of the era. Humanity is more priority than doctrines: the law “do not obstacles” is the main regulator.

Key words: essential forces, production, alienation, creativity, behavioral economics, reflexive management, reforms.

*Счастлив не тот, кто имеет все лучшее, а тот,
кто извлекает все лучшее из того, что имеет*

Конфуций

Постановка проблемы. Комплексная гуманизация не только возможна, но и необходима на нынешнем этапе развития человечества. Характерной особенностью постсовременного эшелона модернизации экономики и общества при этом является рефлексивность поведения, отношений и процессов, позволяющая сознательно применять гибкие формы сочетания экономической выгоды и социального эффекта, государственно-частного партнерства и полилога.

Анализ последних исследований и публикаций. Лао-цзы и Конфуций, Абу Рейхан аль-Бируни и Абу Наср аль-Фараби, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель, М. Бакунин, Р. Оуэн и К. Маркс, а также П. Анохин, Е. Ануфриев, Г. Арефьева, Л. Архангельский, В. Барулин, С. Батенин, Г. Батищев, Н. Бердяев, Ю. Бородай, А. Бузгалин, В. Букреев, И. Бычко, О. Джиоев, Б. Додонов, Е. Донченко, О. Дробницкий, А. Здравомыслов, Э. Ильенков, И. Ильин, В. Келле, В. Кизима, М. Кириллова, Н. Козлова,

А. Колганов, А. Коршунов, Р. Косолапов, Н. Костенко, В. Кремянский, В. Кузьмин, А. Леонтьев, М. Лифшиц, Л. Ляхова, Э. Маркарян, Г. Маркузе, Ф. Михайлов, Т. Павлов, Н. Панина, Л. Петрушенко, Е. Режабек, В. Сагатовский, Л. Сохань, А. Спиркин, Р. Талер, В. Толстых, В. Тугаринов, А. Уледов, Ю. Федоров, В. Федотова, С. Франк, И. Фролов, Э. Фромм, А. Фурсов, В. Шилов, В. Шинкарук, Г. Штракс, В. Ядов и другие ученые доказывали социально-экономическую выгоду освобожденного от принуждения труда и искали пути наилучшего осуществления выгодных для общества трансформаций. И. Акимова, В. Голян, А. Гончаров, В. Куценко, Э. Либанова, А. Охрименко, В. Суслов и другие специалисты исследовали особенности процессов в украинских условиях.

Постановка задания. Закономерный рост интереса к условиям жизни и творчества происходит в связи с выходом человечества на новые рубежи своего развития, когда и простые мускульно-энергетические функции передаются роботизированным системам автоматов, и экономика постоянно растущих рынков дошла до кризисной черты, невзирая на все меры искусственного подогрева и стимулирования. В этой ситуации фактор ценности жизни и условий развития и реализации творчества не только усиливает этическое звучание, но и становится конкретно-экономическим приоритетом. Таким образом, задача текста заключается в характеристике исторически новых акцентов социально-экономического значения ценности жизни и возможностей творчества в условиях завершения межпарадигмального перехода.

Изложение основных результатов. История сформировала два мощных приоритета общественного развития и критерия прогресса. Во-первых, жизнь человека, ее качество и продолжительность, статические и динамические характеристики. Во-вторых, достижения цивилизации, культурное наследие, овеществленный в результатах материального и духовного производства труд, пласты материальной и духовной культуры. Так формируются представления прежде всего о корзинах экономических, политических, социальных, экологических прав и свобод человека, гарантиях, на которых базируется его уверенность в завтрашнем дне, возможностях самореализации и т. п. [1–5].

Между тем в начале нового тысячелетия в разных странах усиливается «представленность богатых во власти», все громче звучат голоса в пользу акцентирования экономности государства, свертываются социальные программы, сокращается государственный сектор, повышается планка выхода на пенсию и т. п., тогда как последний век второго тысячелетия был ознаменован неуклонной борьбой за наполнение корзины прав и свобод человека, что в немалой степени обеспечивалось конкурированием общественных систем, необходимостью для каждой из них своими способами

демонстрировать состоятельность и обеспечивать привлекательность.

При этом государство и правительство состоятельны в том случае, если могут обеспечить безопасность, развитие и реализацию творческих возможностей каждого. Заново актуализируется такой выбор: обеспечение государством полноты реализации эгоистических, узкокорыстных интересов некоторых или же решение гораздо более широких задач с опорой и на частную заинтересованность, и на индивидуальную творческую инициативу. С одной стороны, в процессах хозяйствования при нынешнем уровне общественного разделения труда уровень кооперации и взаимозависимости настолько высок, что превращает под натиском всесторонней социализации понятие частной собственности в абстракцию, принцип. С другой стороны, стимулы самореализации, чувство собственного достоинства, цели развития и достижений акцентируют задачи личностного совершенствования и индивидуального выбора. В любом случае при всем разнообразии конкретных вариантов и форм сочетания общественного и личного, всеобщего и частного становится очевидным, что направления реализации хозяйственной власти, связанные с разрушением культурного слоя цивилизации или же с наступлением на права и возможности творческой самореализации человека, тем более его жизнь, не могут быть признаны эффективными. Уж совсем недопустимы случаи чуть ли не приватизации возможностей государств отдельными группами людей в своих целях. В этом контексте вспышки этноцентризма, трайбализма и сопряженные с ними попытки добиться господства клановых интересов, перенесения тяжести трансформаций на наиболее экономически уязвимые слои населения являются важнейшими признаками непрофессионализма и доминирования личного и группового эгоизма над коренными общественными интересами. К тому же совсем недопустимыми являются произвол и насилие групп/кланов желающих использовать общественное богатство в узкокорыстных целях, попытки вовсе не альтруистов принятия на себя прав государственных структур (в частности, судебной ветви власти), игнорирование демократических (в частности, нормативно-процессуальных) процедур. В этом контексте ренессанс общественных движений в поддержку положения человека, его прав и свобод, качества и длительности жизни является естественной защитной реакцией социума, необходимой для его самозащиты и развития. Вместе с тем для каждого культурно-цивилизационного мира актуализируется вопрос понимания, участия и применения моделей защиты и развития своего общественного богатства, присущих глобальным тенденциям (пост)современных трансформаций [6–9].

Причем ныне интеллектуальная культура (и одно из ее высших воплощений – культура научная)

является не просто феноменом культурной сферы. Именно реализация и развитие научно-интеллектуального потенциала становятся по мере роста объема и значения информационного обмена мощнейшими факторами жизни общества, партнерства и конкуренции культурно-цивилизационных миров. Информационная же конкуренция выступает определяющим результатом условием их диалога. Культура создается отнюдь не для узкого верхушечного слоя общества, а для всех. В ней формируются возможность и множества локальных пространств, самых разнообразных контактов и пересечений, происходит смешивание сакральных и профанных слоев. Соответственно, необходимо переходить от привычки навязывания глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам к ориентации на культивирование собственных общесоциальных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности. Дифференциация и усложнение структуры постглобального мира позволяют создавать крайне разнообразные модели достижения и поддержания конкурентоспособности, достижения культурно-цивилизационным миром успеха в обеспечении качества/осмысленности и условий человеческой жизни, и созидания своего материального и духовного социокультурного наследия. Каждый волен отбирать в окружающем, как в актуальном, так и в отзвуках ушедших и приходящих эпох, то, что внутренне близко ему («плыть по течению»), формируемому «эрой пропаганды», тотальным многоуровневым информационным давлением) [10–17]. Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках predetermined рождением жизненной дороги, то сегодня в социальном масштабе свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора с низведением к животной-вещной репродукции. Однако формы и соотношения звериного, собственно человеческого и святого для различных культурно-цивилизационных миров существенно разнятся. Соответственно, не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять чужие принципы и подходы, кроме собственных. При этом не просто создаются основания, точки конденсации роста общности и гражданственности, но и формируются социально значимые мотивации действий/бездействия, конечный вектор трансформаций, активизация производительных сил общества, структурируется и упорядочивается социальный хаос. Объективируется социальная потребность в запрете на насильственное манипулирование инновациями даже аутсайдерского типа, на разрушение даже контркультурных логик, ведь новая эпоха создает культурные миры, где есть место всем, что расширяет инструментарий поведенческой экономики, рефлексивного управления, государственно-частного партнерства.

Соответственно, для стабильности трансформаций и создания в их процессе условий долго-

срочного социально-экономического развития на основе реализации постглобальных эндогенных моделей, имманентных возможностям «умного общества» в обеспечении уровня жизни и возможностей творчества необходимы не только крупномасштабный маневр ресурсными базами и государственная поддержка «точек роста», в частности инновационных кластеров шестого-седьмого технологического укладов, но и формирование стимулирующей созидательный вектор перемен социокультурной и политико-экономической среды, в частности комплексное укрепление мотивации развертывания и реализации творческого потенциала человека, а также обеспечение привлекательных условий жизни. Прежде всего это ориентирует на применение механизмов совершения трудовых отношений, а также введение средневропейских социальных стандартов (например, оплаты труда, пенсионного обеспечения, уровня жизни). Вместе с тем эффективное проведение направленной рефлексивной модернизации общества для реализации нового Сверхпроекта социально-экономического развития коррелирует с подъемом сознания. Так, переход на новые модели жизнедеятельности и развития культурно-цивилизационного мира требует содержательного изменения общественной психологии и идеологии, подкрепленного в сфере рационально-интеллектуальной и художественно-образной культуры, активизации культуры жизнедеятельности, общественных отношений и управления. Сорезонирование же кросс-культурных и специфических для культурно-цивилизационных миров характеристик формирует разнообразные общественные платформы саморегулирования социально-экономической целостности, вызывая на основе особенностей социокультурных стилистик нормативы доверия при отношениях партнерства/кооперации и конкуренции/соревнования.

Между тем ядро общественного богатства (значит, и конкурентного противоборства, подготовки и др.) складывается вокруг способностей человека. С одной стороны, комплекс одаренностей каждого имеет сугубо индивидуальный характер, с другой стороны, его нахождение, развитие и использование входят в общественную необходимость. Суть человека заключается в его самоосуществлении в творчестве. Творческий процесс выковывает вдохновение в озарение и открытие. Творчество является взаимодействием для созидательной консолидации на принципах соразвития, открывая пути взаимопереплетения само- и взаиморазвития. В силу этого творчество совпадает с трудом только в их сущностном бытии, отличаясь на конкретном уровне как от деятельности по образованию нового, так и от творческого труда. Например, если в труде как таковом социальное отношение реализуется наряду с деятельностью, то в творчестве социальное отношение является сутью деятельности. Соответственно,

освоение горизонтов развития является функцией не соответствия формальным штампам и занесенным информационными вирусами прокрустовым ломам стандартов, а повышения качества жизни и возможностей творчества населения. Следовательно, как отчужденный труд рождает и делает массовидным феномен «человека экономического», так и свободное самодеятельное творчество воспроизводит и делает общественно необходимым «человека творческого», радикально меняя поведенческие приоритеты и механизмы детерминации, усиливая специфику соотношения макро- и микрофакторов развития экономических отношений, повышая требования к свободе и ответственности людей на основе народных традиций, исторического опыта и социального наследия. Творчество становится не только идеально всеобщим, но и реально всеобщим фактором воспроизводства.

Система принуждения (экономического или внеэкономического) закабальет, закрепляя специализацию каждого при отборе случайных для самого индивида способностей и потребностей. Вместе с тем случайность этого предпочтения делает его эффективность частной, в общественном же масштабе утрачивается наиболее ценный потенциал, а именно творческий. Творчество отрицает принуждение. Однако отчуждение – принудительная социализация в неприсущих человеку формах – общественно необходимо до создания адекватного материального и духовного фундамента самораскрытия человека (его природы). При этом необходимость раскрывает потенциал свободы; всеобщность/тотальность отчуждения акцентирует иррационально превращенные формы реализации творческой одаренности человека. Прогресс как фундаментальная характеристика общественных трансформаций отнюдь не сводится к сумме инструментальных подходов, применяемых для освоения и создания среды обитания. Он является способом жизни и деятельности, имманентным достигнутой эпохе развития цивилизации, фиксируемым, в частности, качеством жизни и возможностями творчества. Рассматриваемый с таких позиций прогресс выступает не столько инструментом продвижения к определенному рубежу эволюции региона, сколько порождением уровня развития культуры общества. Общественный регресс можно обозначить как нисходящую линию развития в социальных процессах, выражающую понижение уровня их организации, попятное движение или застой, разложение, распад общественного организма. Итак, критерий регресса можно видеть как в снижении уровня развития материального производства, социально-экономических отношений, устойчивом замедлении его темпов роста, так и в ограничении развития духовной культуры (например, идеологических матрицах), следовательно, самой человеческой личности. Причины регресса могут лежать как в самом

явлении, так и вне его (кризисные моменты в способе производства, системе политических отношений, общественной морали, абсолютизации каких-либо идеологических принципов; насильственное воздействие). Намеренное искажение информационного поля путем распространения специально подготовленной информации может кардинально изменить направление общественного развития и сбить развитие общества с темпа, нарушить систему его безопасности.

Развитие/реализация творческого потенциала требует не только индивидуального, но и общественного поткрепления, прежде всего в системообразующих отношениях труда, собственности и управления. Появление новых форм кооперации труда (уже не простой, а сложной и многопрофильной), ориентированных на компетентность и разноплановость квалификации работника (определенная «избыточность» знаний и преодоления узкой специализации), ставят вопрос относительно целесообразности сохранения ряда промежуточных звеньев управления. Заметно изменяя трудовые и управленческие функции персонала, глобальные трансформации отнюдь не отменяют, но кардинально усложняют задачи организации и контроля. В частности, ныне осуществляются перенос акцентов на стимулирование желательного поведения и процессов, организационно-управленческий переход от жесткости к мягкости, от массовости к компактности, от детерминированности технологией к выбору технологий, от определенности организационных пределов к их размытости и подвижности. Развитие личности и персонализация труда вместо нивелировки людей и усреднения функций становятся ведущим фактором эффективных социальных технологий. Этическая база производственных отношений охватывает не только прежние (в том числе, религиозные и иерархические) ценности, но и новые, связанные с критическим взглядом на «технологическое рабство» и экономический императив жизни, ориентацией на гармоничность жизни и самостоятельность выбора деятельности, ее места и времени [18–25].

Если модернистские ориентации в обществе, зиждящемся на отчужденном труде, акцентировали администрирование, то постмодернистские реализуются как стимулирование. В итоге именно через стимулы локализуются качества инновационно синергического управления трудовыми отношениями творчества. Достижение же адекватности политико-экономических условий возможностям и рискам «умного общества» при осуществлении макроконкуренции требует комплексной коррекции целостности отношений на осях как «общество – государство – бизнес», так и «человек – культурно-цивилизационный мир», безусловности прав и свобод личности. С одной стороны, счастливый человек, нашедший свое место в жизни и ведущий деятельность на условиях, соответствующих

представлениям о справедливом и нормативном, состоявшийся как личность, трудится и проявляет себя в прочих сферах самореализации совершенно иначе, нежели отчужденный, отверженный, общественно ограниченный индивид. Соответственно меняются у человека его цели, ценности, интересы, стимулы, заинтересованность и т. д. В этих условиях дополнительные вложения в человека – это вовсе не обременительная социальная нагрузка, а неперемное условие качественного участия в конкурентной борьбе на верхних этажах экономики, где место экономии на переменном капитале в качестве магистрального направления получения стратегического выигрыша занимает творческий интеллектуально емкий труд, требующий тщательной подготовки и обеспечения. С другой стороны, согласно известной формуле «есть покой и воля», самоуспокоенность – «душевная подлость», снижающая тонус духовного поиска. В этом контексте духовная и физиологическая сытость, моральное и физическое потребление – этапы мещанства, элементы обезличивания умирания творческой личности. Новое рождается в неуспокоенности. Опасность, риск отнюдь не заставляют прекратить творчество, а зачастую стимулируют его; трагедии выращивают из дарования настоящую величину. Между тем для достижения свободы необходимо становление ответственности и самодисциплины/самоограничения. Человек, полностью разложимый на производителя и потребителя, является отчужденным как от деятельности, так и от жизни. Противопоставление производства, а именно потребления, времени труда и досуга, преодолевается свободой творческого самовоплощения (прежде всего, в труде и управлении). Так, в творчестве и необходимость становится подчиненным элементом развития и реализации свободы, потому гуманность, человечность закономерно приоритетнее любых доктрин, ведь основным регулятором является закон «не мешай». В этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном собственных моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор, пока не покушаются на выбор других. В связи с этим содержание понятия развития, прогресса нуждается в обновлении, ведь, помимо сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие ценности, как справедливость, взаимоуважение, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Исчезает понятие периферийной культуры, ведь культуры становятся равноценными и равноправными. Усиливаются процессы соизмерения друг с другом внешне противоположных подходов, на смену чистым формам (в частности, мыслеформам) и образам приходят превращенные (преобразованные), вобрав-

шие в себя элементы иной истории и отражающие черты все новых своих носителей.

Выводы. Системный мировой экономический кризис начала XXI века – проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако ее перерастание неизбежно требует учета постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона возможностей и рисков в развитии и активизации человеческого фактора, в частности, путем роста качества жизни и условий творчества. Заново актуализируется такой выбор: обеспечение государством полноты реализации эгоистических, узкокорыстных интересов некоторых или же решение гораздо более широких задач с опорой и на частную заинтересованность, и на индивидуальную творческую инициативу. Так, очевидно, направления реализации хозяйственной власти, связанные с разрушением культурного слоя цивилизации или же с наступлением на права и возможности творческой самореализации человека, тем более его жизнь, не могут быть признаны эффективными. Уж совсем недопустимы случаи чуть ли не приватизации возможностей государств группами людей в своих целях.

Постсовременный продуктивный капитал формируется вокруг творческих возможностей и интеллектуального потенциала человека, их организации и использования. Перенос на уровень автоматов мускульных и энергетических функций повышает ценность собственно творческого потенциала человека. Таким образом, исподволь готовится основание для качественного изменения восприятия уровней средства и цели хозяйственной деятельности и интеграционной активности. Соответственно, новые горизонты развития открываются тем государствам, в которых общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала каждого, где Сверхпроект может консолидировать, структурировать и мобилизовать на решение созидательных задач. Вместе с тем рост бережного отношения к «иначемыслию» как неперемному атрибуту творческого поиска становится важным следствием дальнейшего расширения корзины прав и свобод личности. Таким образом, освоение горизонтов развития является не функцией не соответствия формальным штампам и занесенным информационными вирусами прокрустовым ломам стандартов, а результатом повышения качества жизни и возможностей творчества населения. В этой ситуации прогресс – это восхождение от «человека экономическому» к «человеку творческому». Место общественной предрасположенности к отчужденному канону и индивидуального порыва к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая порой индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свободы. При этом нынешний исторический уровень крайне усложняет организационно-управленческую подготовку деятельности, перенося акценты на стимулирование и обеспечение.

В частности, качественное творчество требует реализации этапов «обеспечить своевременный приток и обработку информации как предпосылку знания», «знать, чтобы понимать», «понимать для принятия и осуществления осознанных решений».

Осуществление дальнейших научных разведок в данном направлении предполагает конкретизацию и оптимизацию нормативно-правового и политико-экономического инструментария договорного процесса.

Список литературы:

1. Конституція України: прийнята 28 червня 1996 р. Київ: Преса України, 1997. 80 с.
2. Всеобщая декларация прав человека. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_015.
3. Шедяков В. Гуманизм как приоритет социально ответственного поведения. *Actual questions and problems of development of social sciences: Proceedings of the International Scient.-Pract. Conf. "Current issues and problems of social sciences"*. Holy Cross University. Kielce, June 28–30, 2016. P. 89–92.
4. Шедяков В. Создание привлекательных условий жизни и благоприятных для творчества предпосылок – цель и условие долгосрочного эндогенного социально-экономического развития при формировании «умного общества». *The Development of International Competitiveness: State, Region, Enterprise: Proceedings of the Intern. Scient. Conf. Nova University. Lisbon, December 16, 2016. P. II. P. 34–36*.
5. Шедяков В. Отношение к человеку в картине мира и интеграционной активности. *Європейська інтеграція: історичний досвід та економічні перспективи*: матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Одеса: ОНУ імені І.І. Мечникова, 3–4 березня 2017 р. С. 175–178.
6. Бондар І., Четов М., Жадан І., Дідур С. та ін. Новий формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава. Київ: Корпорація, 2005. 383 с.
7. Шедяков В. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. *Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine*. Maria Curie-Skłodowska University. Lublin: Baltija Publishing, 2017. С. 282–311.
8. Шедяков В. Стратегічна культура проведення трансформацій: можливості та загрози. *Розвиток економіки України під впливом економічних, соціальних, технологічних та екологічних трендів* / ред. М. Пашкевич, Ж. Нестеренко. Дніпропетровськ: НГУ, 2015. С. 30–41.
9. Шедяков В. Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации. *ВУЗ. XXI век*. 2012. № 2. С. 50–73.
10. Мартынов В. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. Москва: РОССПЭН, 2010. 357 с.
11. Хоффман Ф.Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов. *Геополитика*. 2013. Вып. XXI. Война. С. 45–62.
12. Денисов А., Денисова Е. Краткий очерк основ теории управляемой конфронтации. *Информационные войны*. 2014. № 1 (29). С. 24–33.
13. Engdahl F.W.A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. Pluto Press, 2004. 312 p.
14. Калаич Д. Третья мировая война. Москва: Литератор, 1995. 156 с.
15. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. Москва: Pretext, 2005. 319 с.
16. Газенко Р., Мартынов А. Идеальный шторм. Технология разрушения. Москва: Книжный мир, 2016. 272 с.
17. Шедяков В. Организационно-управленческие ресурсно-методологические возможности обеспечения конкурентоспособности. *Theoretical and practical aspects of the development of modern science: the experience of countries of Europe and prospects for Ukraine: monograph / scient. ed. & project dir.: A. Jankovska. 1 ed. P. I. Riga: Baltija Publishing, 2018. P. 495–517*.
18. Гасратян К. Сфера культуры в постиндустриальной экономике. *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 7. С. 84–90.
19. Шедяков В. Постглобализм как социально-экономическое явление. *Рухес*. 2016. № 4 (3). С. 104–114.
20. Бурега В. Социально-адекватное управление: концептуализация модели. Донецк: ДонГУУ, 2005. 171 с.
21. Шедяков В. Эффективное управление сквозь призму создания умной экономики. *Вісник Одеського національного університету. Серія: Економіка*. 2016. Т. 21. Вип. 7/49. Ч. 2. С. 18–22.
22. Голян В. Экономика Украины в 2014–2017 годах: кризис управления. *Економіст*. 2017. № 5. С. 7–12.
23. Шедяков В. Організаційно-управлінські відносини як стратегічний ресурс розвитку. *Формування ринкових відносин в Україні*. 2016. № 3 (178). С. 23–30.
24. Шедяков В. Ценностные основания национальных моделей социально-экономического развития. *National Economic Reform: experience of Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing, 2016. Vol. 2. P. 164–190*.
25. Шедяков В. Соціокультурні підвалини стимулювання в інноваційній економіці. *Innovations in the development of socio-economic systems: microeconomic, macroeconomic and mesoeconomic levels / ed. by J. Zukovskis, K. Shaposhnykov; Aleksandras Stulginskis University. Kaunas: Baltija Publishing, 2016. Vol. 2. P. 83–97*.